

Интервью газете «Поиск» (1990 г.)

Суд истории

Вот мы и вернулись к тому, с чего начали в «оттепельные» пятидесятые. Вновь говорим об исковерканной истории своей страны и стараемся узнать о ней правду. Пусть некрасивую, пусть трагическую, но настоящую.

Что принесли нашим ученым историкам годы вынужденного молчания? «Идейную чистоту» научных трудов и газетных публикаций, привычку «соответствовать». Сегодня все начинается сначала. Появляются работы, которые в прежние годы появиться просто не могли. Среди них и монография «Методы исторического исследования», удостоенная Государственной премии СССР в области науки и техники за 1989 год.

Ее автор академик Иван Ковальченко — гость «Поиска».

— *Иван Дмитриевич, если откровенно — трудно сегодня быть историком?*

— *И не говорите. Впрочем, сегодня всем трудно — и историкам, и экономистам, и политикам...*

— *Вам не кажется парадоксальным, что при всей остроте и сложности сегодняшней экономической и политической ситуации мы так часто обращаемся к нашей истории? Казалось бы, «дела давно минувших дней» должны хотя бы временно уйти на второй план...*

— *Здесь нет никакого парадокса. И дело не только в том, что историкам открыта сейчас «зеленая улица» — говорить можно все и обо всем, закрытых зон нет, как нет и единой идеологической гребенки, приглаживающей разнообразие точек зрения и сводящей их к «единственно верному», официально признанному мнению. Главное, что сам народ пробудился, наконец, от многолетней политической спячки. Обращаясь к своему прошлому, узнавая его заново, люди начинают понимать: чтобы суметь перестроить общество, в котором мы живем сегодня, нужно знать, как мы жили вчера. История становится не только полноправной участницей нынешних общественных перемен, но и нашим общим учителем.*

Скажу больше: перестройка будет иметь успех только в том случае, если сегодняшние преобразования мы сможем соотнести с историей. Мы просто обязаны прислушаться к ее советам.

— *Вы считаете, что именно недостатки методов исследований привели нас к превратному истолкованию прошлого?*

— *Во многом, да.*

— *Иван Дмитриевич, русская историография знает десятки славных имен, которые, кстати, мы тоже открываем для себя только сегодня. Каждый из ученых во многом по-своему определял методы,*

которыми должна пользоваться историческая наука. Если Карамзин, открывший, по образному выражению Пушкина, «Россию, как Колумб Америку», отдавал в своих трудах предпочтение приемам чисто художественным, можно даже сказать, беллетристическим, то, например, Соловьев был сторонником весьма строгого подхода к историческим фактам. Да и в сегодняшней историографии десятки школ и направлений, множество методик. Выходит, до сегодняшнего дня ученые так и не нашли универсальных методов исторических исследований?

— Хотя литература по методологии очень обширна, она освещает в основном фундаментальные, общие принципы исследований, которыми в равной степени могут пользоваться и химики, и философы. А сам процесс, технология исследований в конкретной области имеют свою специфику. Настало время перевести общеполитические понятия и категории, связанные с методами научного познания, на рельсы конкретных наук, в нашем случае, на практику исторических исследований. Именно это я и пытался сделать, работая над монографией.

— Неужели, разработав новые методы исторических исследований, мы все поставим на свои места?

— Историю можно толковать по-разному: можно в силу каких-то давящих свыше указаний исказить исторический факт. Это зачастую не зависит от ученого, но тяжелым камнем ложится на его совесть. А можно просто неверно истолковать смысл того или иного события, сделать неправильные выводы. Методология и нужна для того, чтобы избежать подобных ошибок. Как сказал один философ: «Истина — это процесс». А вот сделать его как можно более объективным и независимым должна помочь методология. Ведь методы исследований — самый, пожалуй, существенный, динамичный компонент любой науки. Их роль исключительно велика, а порой приобретает решающее, я бы сказал, даже революционное значение для прогресса научного знания.

Хочу подчеркнуть, что ни один из традиционных, описательных методов не является универсальным. У каждого есть свои преимущества и свои недостатки. И каждый может принести успех, если он не противопоставляется всем остальным, а дополняет их.

Мне кажется, что очень перспективны математические методы. Вы скажете: какие далекие области — история и математика. Но вспомним Маркса: «Наука только тогда достигает совершенства, когда ей удается пользоваться математикой». Любая наука, и история — том числе.

Давайте возьмем ситуацию в стране накануне Октябрьской революции. Как известно, Россия была аграрной страной. Большинство населения — крестьяне. Следовательно, и причины, исторические предпосылки вспыхнувшей революции нужно искать прежде всего в деревне. С одной стороны, нужно выявить степень развития в ней капитализма, с другой — степень сохранения феодальных пережитков и определить тем самым характер обострившихся

противоречий. Нужно проанализировать, к примеру, такие факторы, как зависимость доходов крестьян от размеров их хозяйств, количества работников и т. д. Следовало бы рассмотреть и соотношение бедных, средних и зажиточных хозяйств. Если использовать при этих исследованиях только описательные методы без численного выражения собранных данных, картина выйдет далеко не полной, а может быть, и искаженной. Вот тут-то и необходимы математика, контакт историка с компьютером.

Увы, пока многие ученые-гуманитарии недооценивают количественные методы исследований. Кто-то просто боится математики, кто-то считает ее необязательной. А коренная причина одна — недостаток исследовательской культуры.

— *Иван Дмитриевич, сейчас не только ученые, но и все мы задаемся вопросом: как бы мы жили сейчас, если бы удалось избежать сталинщины, если бы не царил в стране долгие годы застой. Некоторые ученые считают: мы получили то, что заслужили, и избежать этого было нельзя. Дмитрий Волкогонов утверждает, что после смерти Ленина приход к власти других лидеров, кроме Сталина, был маловероятным. Игорь Клямкин отмечает, что «другого "проекта застройки" нашей улицы, способного конкурировать с коллективизацией, в ту пору не было». Вы же относитесь к числу ученых, допускающих возможность поиска и изучения исторических альтернатив. Но, занимаясь такими поисками, не выносим ли мы приговор собственной истории, нашим отцам и дедам, не сумевшим когда-то отыскать верный путь. Мы, потомки, найдя его «задним числом», беремся судить их за это. Но вот вопрос: есть ли у нас такое право? Этично ли мы поступаем?*

— Мне понятны ваши сомнения. Но как историк я все же считаю, что без рассмотрения альтернатив в нашей науке не обойтись. И жаль, что к детальному рассмотрению этой проблемы мы, по сути, только приступаем.

Что такое альтернативная историческая ситуация? Это ситуация борьбы различных общественных сил за разные варианты дальнейшего развития общества. Подобное в нашей истории бывало не раз. Вот вам конкретный пример. После гражданской войны начался период нэпа. Быстро восстанавливалось разрушенное хозяйство, буквально за несколько лет неузнаваемо изменился весь уклад жизни. Но на рубеже двадцатых—тридцатых годов началась полоса индустриализации и коллективизации.

Мы сейчас справедливо отмечаем, что эти преобразования были проведены, мягко говоря, не лучшим образом. Коллективизация сопровождалась насилием, необоснованно ликвидировались тысячи и тысячи крепких крестьянских хозяйств. Промышленность развивалась за счет перекачки средств из деревни в город. Сельское хозяйство попросту разваливалось.

Но ведь были и другие пути. Коллективизацию следовало проводить, скажем, на сугубо добровольных началах, оставляя при этом крестьянину возможность вести, если он того пожелает, ин-

дивидуальное хозяйство. Ценою куда меньших жертв мы достигли бы гораздо больших результатов...

— *Но тот же Клямкин, утверждая, что коллективизация была неизбежной, делает свой вывод именно на анализе настроений в крестьянской массе. Крестьяне не только примирились с коллективизацией, но и приветствовали ее, потому что в кулаке видели своего главного врага.*

— В те времена говорить о настроениях того или иного класса нашего общества просто не приходилось. Ведь и «народные чаяния» тогда спускались сверху. Видимо, нужно рассматривать не настроения крестьянства, а стремления правящей партийной верхушки. Среди лидеров партии были люди, по-разному смотревшие на перспективы коллективизации. Были и такие, кто открыто возражал самому Сталину. Вспомним: Николай Бухарин предлагал сохранить индивидуальные крестьянские хозяйства, рыночные отношения, частный сектор. Но верх в этих спорах одержал, увы, не он. Возможно, это политическое поражение Бухарина и привело в итоге к разрушению экономического механизма, не восстановленного и по сей день.

Почему Бухарин проиграл? Причин тут много, но я выделю одну из основных: те силы, которые пытались противостоять Сталину, не проявили должной настойчивости и политической мудрости в борьбе за свой вариант пути. Бухарин был блестящим теоретиком, но, по определению его биографа, американского ученого Стивена Козна, он был плохим политиком и потому потерпел поражение.

— *Каким же образом ученый во множестве исторических альтернатив распознает самую лучшую, самую прогрессивную?*

— Для этого создаются прогностические модели развития общества. Скажем, сейчас мы в МГУ работаем над моделью двадцатых годов¹. Она позволит увидеть, что было бы со страной, например, в середине тридцатых, если бы социально-экономическое развитие шло тем же путем и теми же темпами, что и в двадцатые. Иными словами, если бы не было всех тех насильственных вмешательств, о которых мы с вами говорили. Мы рассматриваем более двух десятков показателей развития промышленности, сельского хозяйства, культурной сферы. А получив цифры предполагаемого социально-экономического состояния страны в тридцатые годы, сравниваем их с тем, что было на самом деле. Если наша модель покажет, что уровень благосостояния страны и народа был бы выше, это и явится подтверждением того, что неосуществленная альтернатива была более прогрессивной.

По такому же принципу можно построить и модель современного состояния экономики. С точки зрения прогностического моделирования, история — своеобразное поле для отработки таких моделей, которые позволят прогнозировать будущее.

— *Иван Дмитриевич, из всего вами сказанного получается, что, будь, допустим, на месте того же Бухарина другой человек, все раз-*

витие нашего общества могло пойти по другому пути. Не значит ли это, что судьба страны зависела лишь от достоинств и недостатков отдельных исторических личностей? Может быть, здесь кстати вспомнить и слова Плеханова о том, что «личные особенности знаменитых людей несравненно заметнее, чем глубоко лежащие общие причины»?

— Дело, бесспорно, не только в личности Сталина или Бухарина. Достаточно полно раскрыть суть исторического события можно, лишь учитывая как объективный, так и субъективный факторы, то есть не только сами обстоятельства, но и то, как человек ведет себя в них.

Приносить роль личности в истории ни в коем случае нельзя. Исходя из знакомого любому школьнику определения общественно-экономического развития как закономерного процесса, последовательной смены формаций, мы сосредоточили внимание на изучении явлений массовых, закономерных. Но ведь, с другой стороны, по определению Маркса, «история есть не что иное, как деятельность, преследующая своей целью человека». Именно человека в истории мы показывали явно недостаточно.

Рассмотрим сегодняшнее положение в стране. Мы недовольны пустыми прилавками, отсутствием самого необходимого. Кое-кто утверждает, что «народ просто плохо работает, ленив». Но я думаю, что основная причина наших бед не в этом. Расхожую формулу «живем плохо потому, что плохо работаем» я бы заменил на другую — «живем так, как нами руководят».

— *Сейчас наши историки получили возможность работать в архивах, которые прежде были секретными. Стало больше источников, но значит ли это, что и исследования будут объективнее?*

— Несомненно. Однако всегда нужно помнить, что любой источник субъективен, ведь его творец — живой человек со своими личными оценками происходящего. Важно отделить «зерна от плевел», действительно ценную информацию — от эмоциональных и идеологических «наносов». Например, до нас дошли материалы российской переписи населения 1897 г., содержащие десятки показателей состояния различных слоев русского общества. Но историки обычно использовали лишь пять-шесть показателей. Теперь же, проанализировав все данные с помощью ЭВМ, ученый получит не только скрытую при первом прочтении информацию, а сможет проследить взаимосвязь явлений того времени, получив таким образом полную картину событий.

— *Читая вашу работу, Иван Дмитриевич, я, признаться, была несколько удивлена тем, что возможность объективного показа исторического прошлого вы связываете с реализацией принципа партийности...*

— Мы почему-то стали бояться слова «партийность», трактуя его как обязательную принадлежность к определенной партии. На мой взгляд, это неверно. Партийность — это общественная позиция, которая выражено или скрыто есть у каждого человека.

Долгое время мы считали, что самое главное — докопаться до классовых корней взглядов человека, и выводили его мировоззренческие позиции прежде всего из социального происхождения. Но важнее, мне кажется, другое — чем эти позиции определяются. Александр Иванович Герцен был революционером-демократом, но происходил он отнюдь не из класса неимущих. Крупный историк, сторонник реакционнейшей теории официальной народности, консерватор Михаил Погодин — сын бывшего крепостного. Взгляды человека зависят не от его социального происхождения и положения, а от его общественной позиции, определяемой его субъективно-индивидуальными чертами.

— *Последний вопрос, Иван Дмитриевич. Так подсудна ли все-таки история?*

— Это зависит от классического «а судьи кто?». Если историк до конца честен, если не идет на поводу у конъюнктуры, то у него есть право вынести свой вердикт. Но говорить он должен, как и в настоящем суде, правду, только правду, ничего, кроме правды. Но все же высшим судьей над историей остается сама история.

Беседу вела Лада Ляшенко.

Интервью опубликовано в газете «Поиск» (№ 4(39) за 25—31 января 1990 г.) в рубрике «Портрет проблемы».

¹ На кафедре источниковедения, историографии и методов исторического исследования исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, которой руководил И.Д. Ковальченко, предпринимались шаги для реализации идеи изучения альтернатив в истории России 1920-х годов. Результаты исследования были опубликованы, см.: Бородкин Л.И., Свищев М.А. Социальная мобильность в период нэпа. К вопросу о росте капитализма из мелкого производства // История СССР. 1990. № 5. С. 105—121; Они же. Ретропрогнозирование социальной динамики доколхозного крестьянства: использование имитационно-альтернативных моделей // Россия и США на рубеже XIX—XX вв. Математические методы в исторических исследованиях: Сб. статей М., 1992. С. 348—365.